

Искусство в петле доллара

Лит. газ. 12

Л. ФРЕЙДКИНА

Недавно в архивах МХАТ обнаружены не известные до сих пор документы и письма К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, связанные с гастролями Московского академического Художественного театра в Америке в 1923 году, а также с поездкой Музыкального театра имени Немировича-Данченко, посетившего США в 1924 году.

Триумфальный успех неизменно сопровождал спектакли этих театров. Трудные люди Америки, ее прогрессивная интеллигенция были захвачены красотой и человечностью искусства, какого не создали и не могли создать их страна. МХАТу подражала, у Станиславского и Немировича-Данченко учились. Крупные артисты, еще неизбежные всеобщего растения талантов, увидели в системе Станиславского, в новаторских преобразованиях Немировича-Данченко единственную надежду на спасение американского искусства. «Имя искусство так свято вошло во все поры здешнего театра, что они без нас не обходятся... Америка теперь без нас не обходится...» — утверждал К. С. Станиславский*.

Но посланники Советского государства встретили в Америке отнюдь не только благодарную любовь и высокое признание. Их преследовали их травляли наемные шпионы и провокаторы.

Небезызвестный президент Кулидж сидел даже триумфальный успех русского театра обратить против Советской России. Были расставлены сети политической провокации и клеветы. «Несколько дней топа назад», — писал К. С. Станиславский, — на Бродвее ко мне подходит несколько незнакомых людей и говорят обычные для актеров приветствия. Кто они такие — я не знаю. Глядя, а из большого окна магазина на нас наставлен аппарат. Я повернулся спиной. Глядя, а из-за угла кто-то снимает ручным кодомом. Может быть, те, кто со мной говорил, уяснили для Советской России язык, почем я знаю? Может быть, завтра опубликуют другую статью с гнусной иллюстрацией, — что же я могу сделать?». И действительно, в американских газетах, ставивших себе позорную известность, то

и дело повывалились антисоветские интервью, нелгго приписываемые замечательному патриоту К. С. Станиславскому. Воробским способом съёмки фотографии украшались недвусмысленными подписями. Ни простете, ни опровержения не помогали. Это оскорбляло, возмущало Станиславского, повергло его в «дурчающее нравственное состояние».

Люди, приехавшие из истинно свободной страны, была неважная атмосфера политической спекуляции и панталона. Да и все в Америке было несправедливо, жестоко, низко. В. И. Бачалов с возмущением советского гражданина писал о грязных и нищих рабочих кварталах, о «хамстве, даже зверстве по отношению к неграм», о «зверском бандализме», о том, что «...продвигает всякий мордобой, и кулак здесь в большом почете. Кулакком регулируются всякие недоразумения и оскорбления... Все кажется безкусным, убогим, скучным, никакой духовности и красоты».

Мысли о трагической судьбе американского труженика мучила, тревожила великих деятелей русской культуры.

Немирович-Данченко приехал в Голливуд и стал смотреть съемки американских фильмов в самые фильмы. Угнетение уяснуло его. Америка угощала Владимира Павловича такими «боянками», на которых воспитывались поколения гангстеров, там ему приходилось смотреть те самые «боязнования» кинокартин, после которых в его дневнике появлялись записи: «Душевно в помятость». Он не мог мириться с ремесленным приспособленчеством, не мог познать, как актеры, пренебрегая идейными задачами роли, начинают сниматься, не читая всего сценария, прислушиваясь только к подсказке режиссера. «Носику почался в ухому. Говорил им — большая мука сидеть у вас... нельзя делать то, что у вас делается».

Политицианство, торгашество, бизнес отравляли воздух Голливуда так, что в нем легко было задохнуться истинному, идейному художнику, для которого всю жизнь искусство было высоким служением народу

и Родине. И он задыхался, он говорил в том, что можно задохнуться в этом дрячьем обществе. На это Дуглас Фербанкс ему отвечал: «Не забывайте, мистер Данченко, что мы банкиры больше, чем артисты».

От окружающей его проматности, пошлости, аморальности, безкусной банальности В. И. Немирович-Данченко испытывал «страшную тоску».

В Америке «уровень духовной культуры совершенно детский» — констатирует он в письме к А. В. Луначарскому: «Царскими — доллар; все заняты его получением, но достигается он очень не легко... Зеру кинематографическая индустрия, которую даже и не пытаются назвать искусством».

На пресс-конференции американских журналистов Немирович-Данченко открыто заявил, что американскому кино чужда идейная и психологическая глубина, и резко критиковал «нищету сценария».

«Нищета сценария» становилась особенно кричащей, безобразной, когда к «американским вусам» приспособлялись русские реалистические романы. Поэтому так возмущался Немирович-Данченко, когда прозаический сын великого писателя Льва Толстого «добрыя» сценарий, сделанный по роману «Воскресение», в дал согласие (за доллары, разумеется) участвовать в фильме.

В этом сценарии и речи не было о страданиях и обиде народа. А женщина из народа, Батерина Маслова, прирапалась в наивную барышню в сарафане и кокошнике, которая, следуя рецептам Голливуда, все время улыбалась. Среди действующих лиц был и сам Л. Н. Толстой. Актер, его изображавший, появлялся перед каждым акцидом в сапожной ланке и вынул гвоздь в сапога. (Граф Толстой, тащущий сапоги, — приманка, сенсация сценария!). Воббле гвоздь я говорит: вот сейчас раскроется еще одна человеческая душа. Так глумились американские киноделы над творением великого русского художника.

«Нечего закрывать глаза на то, что американские фильмы оставляют в подном пренебрежении моральные и общественные идеалы». Это написала Немирович-Данченко, ознакомившись с другим американским сценарием — «Анной Риччи», — тоже «добрыми» сговорились сикомом великого писателя. «Когда читали, —

рассказывал Владимир Иванович, — жва плакала настоящие слезами, так она была возмущена извращением романа». Вначале, совсем в духе голливудских представлений о России, Анна и Бронский возвращаются из Москвы в Петербург не в поезде, а в санях. Они встречаются на постоялом дворе (четырёхэтажном здании). Там куた офицеры, полк и пашут цыгане. Когда Бронский приходит к Анне, она принимает ванну, он подсматривает в замочную скважину... Все кончалось тем, что Анна получила развод от своего мужа и вышла замуж за Бронского. Сценарист предлагал и другой «счастливыи конец»: Анна уходит в монастырь.

Неизменно благополучный, счастливый финал американских фильмов был рассчитан на то, что рядовой американец уверует в возможность мирного, буржуазно-индустриального разрешения социальных конфликтов и противоречий.

Сталкиваясь с Голливудом, Немирович-Данченко продолжал отстаивать свои принципы и убеждения со свойственной ему энергией и последовательностью. Но усилия были напрасны. «На какие-нибудь реформы толкнуть здесь не легко: на что им? Их хвалят, им платят!» — пишет он А. П. Южинку.

В эти месяцы Немирович-Данченко считал то, что так тяготило Станиславского в Америке. Часто вспоминал он его слова о гастрольях в Нью-Йорке: «Борьба с компромиссом, нечеловеческие условия, чтобы его победить».

Все чаще думает Немирович-Данченко о Москве, все нетерпеливее рвется в родной театр. Выносить окружающее гниение становится все нестерпимее.

А из Москвы в это время приходили вести об огромном успехе «Горячего сердца», о замечательной игре матовской молодежи, о расцвете таланта Н. П. Хмельва.

Писали «старикам» — В. В. Лужский, В. Ф. Грибуини, писали и молодые — Н. П. Хмельва, Н. А. Стастенина, И. М. Кудрявцев, и все они делились своими творческими планами, замыслами. Это были письма из другого мира, в котором художник чувствовал свою ответственность перед народом.

На писем в газет он узнает, что в Москве при Агитпропе ЦК ВКП(б) созывалось партийное совещание по вопросам театра и что Художественный театр, вдохновленный призывом партии, начал

работу над пьесой Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69».

Владимир Иванович приходит к выводу, что год, проведенный в Голливуде, — «потерянный», что ему «никогда не найти общего языка с хозяевами американского кино». 27 ноября 1927 года он выступает с лекцией в Публичной библиотеке Лос-Анжелоса и говорит о достижениях советского театра, о том, что «создать можно только в России», что в Советском Союзе театры поддерживаются правительством так же, как школы и университеты.

Постоянно возникающее сравнение двух социальных систем, ощущение контраста двух культур заполняли каждый час жизни Немировича-Данченко и в Америке. Усталая из Америки, он пишет А. В. Луначарскому: «Все мое существо так потрясается тяготением домой... И это не только зрянка, — родной язык и березка, а, во-первых, — самая настоящая тоска по искусству: по художеству, по идеологии, по широте мировоззрений, по благодатству вкуса, по исканиям, по запросам в самой публике, — ничего подобного здесь, в Голливуде, как атмосферы, не существует... трудно переноси это царство спекуляции. За всем, что делается дома, слежу внимательно. Современный русский театр самый передовой в мире. Он шагнул по отношению к другим на десять — двадцать лет вперед».

С тех пор, как писались эти строки, прошло 25 лет, заполненных новыми достижениями и завоеваниями советского театра... На его сцене сейчас изображают людей, строящих коммунизм.

В империалистической же Америке прежнему растапливаются и эксплуатируются таланты, предаются те, кто не продается, не действует, не участвует в постыдном, грязном и несправедливом деле поджигателей войны, те, кто борется за искусство, защищаящее мир.

И письма, записные книжки, дневники К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, В. И. Бачалова обводят нынешнюю империалистическую Америку так же, как они обличали и уличали ее прежде.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГ Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОТ А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, (редактора).

* Эти нам и все последующие выдержки из писем К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, публикуются впервые.